

18+

Мэнни Кафталъ

СЕРЬГА ВСЕГО

ОДНА

Мэнни Кафталъ
Серьга всего одна

«Издательские решения»

Кафталъ М.

Серьга всего одна / М. Кафталъ — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514297-9

Однажды в Израильском отделении древностей была сделана удивительная находка. Во время химической экспертизы из ничем не примечательного глиняного кувшина посыпались золотые украшения. Их было много: ожерелья, браслеты, кольца и всего одна серьга. Страшное проклятие было наложено на это золото, и жизнь тех, кто соприкоснулся с ним, уже никогда не будет такой, как прежде.

ISBN 978-5-00-514297-9

© Кафталъ М.
© Издательские решения

Содержание

Оглавление	6
Ханаан, 1300 год до нашей эры	7
Звёзды не лгут	8
Настой красоты	12
Я не виноват	18
Предсказание	21
Дерех Анатот, 2007 г.	27
Чужеземцы	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Серьга всего одна

Мэнни Кафталъ

© Мэнни Кафталъ, 2023

ISBN 978-5-0051-4297-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

Звезды не лгут
Настой красоты
Я не виноват
Дерех Анатот, 2007 г.
Чужеземцы
Ришон-Ле-Цион, 2010 г.
Отделение древностей
Счастливый кувшинчик
Такого не бывает
Иерусалим, август 2010 г.
Хамсин
Как прежде
Йоси
То, что умерло
В новом качестве
Сезон дождей
Поиски
Страшная как демон
Один
Эпилог

Ханаан, 1300 год до нашей эры

Второзаконие

Когда введёт тебя Господь, Бог твой, в землю, в которую ты идёшь, чтоб овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы, Хеттеев, Гергесеев, Аморреев, Хананеев, Ферезеев, Евеев и Иевусеев, семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя, и предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их, тогда предай их заклятию, не вступай с ними в союз и не щади их.

Звёзды не лгут

Сенеав стоял у окна своего дома и смотрел на толпы людей, убегающих из города. Они вытаскивали из своих домов самое дорогое, всё, что могли унести. На улице царил паника, которая только усилилась, когда появились солдаты. Они хватали молодых мужчин, юношей и даже мальчишек, толкая их впереди себя, подгоняли остриями копий. Князь Анас распорядился, чтобы никто не покидал город. Враг наступал, и городу нужны были защитники. Но Сенеав знал, что ни военные действия, ни молитвы, ни жертвоприношения не помогут. Непонятный народ пришёл неизвестно откуда, перед которым, как говорили, расступалась вода и содрогались горы.

Он предвидел это уже давно, звёзды рассказали ему о том, что вскоре рухнут царства, а их правители погибнут. Новое государство возникнет на их месте, новый закон, другая жизнь. С презрением он смотрел на суетящихся внизу людей. Все они уже мертвы, боги оставили их, а они ещё пытаются спастись и унести как можно больше своего добра. Сенеав унесёт с собой только горсточку драгоценностей, оставляя позади своё главное сокровище – свою дочь Сонабар. Он до сих пор не понимал, как решился на это, и не был уверен в том, что ему хватит мужества для того, чтобы исполнить то, что задумал, но в глазах Сонабар он не видел сомнений, она убедила его в том, что он прав и это единственно верное решение.

– Разве так поступают отцы? – вздыхал он в последний момент, пытаясь отказаться от своего плана.

– Ты не такой, как все остальные отцы, – возражала она, но была не права. Сенеав был самым обыкновенным отцом, искренне восхищавшимся своим чадом и полагавшим, что на всём свете нет девушки умнее и красивее, чем его Сонабар. Просто в его случае это была не иллюзия, а чистая правда, к тому же она была для него чудесным сосудом, в который он в течение нескольких лет помещал свои таинственные знания. Сенеав обучал её науке о звёздах, гаданиям, наведению порчи и ворожбе, и она была прилежной ученицей, обещавшей вскоре превзойти своего наставника.

Немногие знали о её мудрости, слава же о её красоте быстро распространялась. Когда ей было четырнадцать лет, к ней сватались именитые люди, предлагали золото и стада, но все они получали отказ от Сенеава. Некоторые раздосадованные отказом негодовали и грозились пожаловаться на него повелителю, но он только смеялся в ответ. Он был личным советником князя, какие жалобы могли его напугать? Шло время, но жалобы всё же дошли до князя Анаса и возбудили в нём любопытство.

Весной, в праздник Адмона, девушки несли дары, и Сонабар была в их числе. В платье цвета крови, в венке из красных цветов, она шла среди подруг, смеялась и пела. Кожа как шёлк, зубы как жемчуг, стройная и легконогая как лань. Там и увидел её князь. И вот, сразу после шествия, он призвал к себе Сенеава и без предисловий сказал:

– Я видел твою Сонабар. Она уже совсем выросла. Сколько ей? Шестнадцать?

– Пятнадцать, Ваша светлость.

– Я пришлю за ней сегодня. Пусть служанки натрут её жасмином и марвой.

Сенеав пришёл к дочери и рассказал ей о разговоре с Анасом. Выражение ужаса и отвращения отразилось на её прекрасном лице. В тот день слуги князя ушли, как и пришли, ни с чем, но вскоре вернулись с поклонами до земли.

– Ахкам (мудрейший), – почтительно обратились они к нему, – наш властелин слёт в горячке и в бреду призывает тебя на помощь.

С самодовольной усмешкой явился Сенеав к Анасу.

– Для того, чтобы поправиться, тебе нужно на время забыть о женщинах, – сказал он, стоя у постели больного. – Что же касается моей дочери, то о ней ты забудешь в первую очередь.

Князь молчал, сжав зубы, и колдун понял, что необходимо какое-то объяснение.

– Всемогущим богам не угодно, чтобы она сейчас покинула мой дом. Я обучаю её своему искусству, и ей необходимо провести ещё полгода под моей крышей. Но если ты возжелал её так страстно, то не наложницей, а женой будет она князю. Мы – люди именитые, и меньшего моя дочь не заслуживает.

Он видел, как разглаживались гневные борозды на лбу его суверена, а сам думал: «Ты и трёх месяцев не проживёшь».

– Я хочу, чтобы её провозгласили моей невестой, – прохрипел в ответ князь, – чтобы никто даже близко к ней не подошёл под страхом смерти.

Сенеав тем временем смешивал лекарства. Одобрительно кивнув головой, он поднёс больному чашу с терпко пахнущим настоем.

– Это вернёт тебе силы, – сказал он.

Послушно Анас взял лекарство из рук своего мудрейшего, выпил и снова лёг на расшитые красным узором подушки.

– Скажи мне, когда я поправлюсь?

– Завтра тебе будет лучше, а через пару дней ты будешь совершенно здоров.

Успокоенный этим обещанием князь наконец уснул, и Сенеав, тихо ступая по мягкому ковру, вышел из его покоев. Огонь полыхал в медных светильнях, а по углам прятался полумрак, длинная тень появилась на его пути, а вслед за ней на свет вышел сын князя Харив.

– Ахкам, – обратился он к Сенеаву с поклоном, – я обеспокоен здоровьем моего отца.

Колдун и советник князя видел затаённую надежду в глазах молодого наследника.

– Наш повелитель силён и отважен, как лев, лёгкой лихорадке не под силу свалить его с ног. Оставь свои тревоги, вельможный Харив, скоро твой отец поправится.

Сын князя склонил голову, шепча слова благодарности, а в глазах его Сенеав видел разочарование.

– Как здоровье прекрасной Мирмах?

– Ей уже лучше. Как ты и сказал, мудрейший, к новолунию тошнота прошла, и она стала набирать вес.

Сенеав удовлетворённо склонил голову, давая понять, что их беседа подошла к концу, но сын князя, похоже, не собирался прощаться.

– Скажи, ахкам, это правда, что ты можешь, посмотрев на беременную женщину, узнать пол будущего ребёнка?

– Это правда.

– Прошу, приди навестить мою Мирмах.

– Я приду, когда плод наберёт силу, – и он отступил на шаг, коснулся рукой своих губ, лба и наклонился до пола, прижав пальцы к носку сапога княжеского сына. Это был церемонный поклон. Так кланяются повелителю во время торжественных церемоний. Харив онемел от удивления, а Сенеав молча посмотрел ему в глаза, и тот понял то, что колдун не мог ему сказать вслух, зная, что их, возможно, подслушивают за каждой дверью.

Айон спал глубоким сном, когда Сенеав вернулся из дворца. Все окна его дома были тёмными, кроме одного – наверху. Он знал, что Сонабар не спит, ждёт его.

– Князь не пришлёт больше за тобой своих слуг, – сказал он, входя в её комнату.

Она смотрела на него, выжидая, зная, что это ещё не всё.

– Он сватается. Хочет на тебе жениться.

Она молчала. Со вздохом он сел рядом с ней.

– Завтра тебя провозгласят невестой князя.

– Я буду его третьей женой!

Когда она смотрела на него вот так, укоризненно и строго, её подбородок заострился, и она была похожа на изваяние богини Ашеры, только ещё прекраснее.

– Знают всемогущие боги, что не для Анаса я тебя берёг, не заслуживает он мудрости твоей и красоты твоей не достоин. Даже за царя Хамдая не отдал бы я тебя.

– Тогда почему же ты согласился?

– Для того, чтобы оттянуть время.

Её брови взметнулись, как крылья. С удивлением и надеждой смотрела на него дочь.

– Я предвижу большие перемены. Новые времена придут на эту землю, новый закон, другая жизнь.

– Переворот? Смена династии?

Он покачал головой.

– Другой народ. Они завоюют эту землю, разрушат царства, поставят своих правителей.

– А как же все мы?

– Во времена, когда рушатся царства, а на их месте возникают новые, понятия «все мы» не существует. У каждого своя судьба. Воины гибнут, князья становятся рабами, последняя рабыня может стать царицей, а царские дочери идут босиком в веренице пленных.

Какое-то время она сидела неподвижно, смотря на него с удивлением и страхом.

– Что же будет с тобой и со мной? – промолвила она наконец.

– Мастерские и ремесленники обычно нужны завоевателям, а я немножко ремесленник, и, может быть, моё мастерство поможет мне найти место при новом правителе. Что же касается тебя, то красота сделает тебя драгоценным трофеем для мужественного воина или вельможного сановника, а потом придёт тебе время вспомнить всё то, чему я тебя научил. Твои таинственные знания вознесут тебя и помогут упрочить твоё положение, ты станешь частью другого мира и той новой жизни, о которой рассказали мне звёзды.

– Трудно себе это представить, – сказала она задумчиво. – Трудно и страшно. Знаешь, перспектива стать третьей женой Анаса уже не кажется мне такой ужасной. – Потом, лукаво улыбнувшись, добавила: – Сознайся, что ты это нарочно придумал, чтобы я без возражений согласилась на брак с князем.

Но он только печально покачал головой.

– Когда же всё это произойдёт?

– Возможно, очень скоро. Я слышал, что с юга приближаются враждебные племена.

– Они идут на Айон?

– Нет, для того чтобы подойти к Айону, им надо завоевать город Тамарисков.

– Отец, ты же мне сам часто рассказывал о том, какой это неприступный город и какое внушительное войско у царя Хамдая.

– Звёзды никогда не лгут, моя девочка. Я и сам не хотел бы верить тому, что они мне говорят. Хотя, возможно, я ошибаюсь во времени.

В её глазах промелькнула надежда.

– Значит, ты точно не знаешь, когда это произойдёт?

– Это произойдёт через две-три луны или через два-три года. Я бы предпочёл, чтобы это произошло поскорее, сейчас, пока ты во всеоружии твоей девственной красоты. Ведь только дерево, несущее плоды, ценно. Женщине, несущей плод другого мужчины, невысока цена.

– Что же мы будем делать? – Сонабар смотрела на отца. Он чувствовал, как в панике билось её сердце, словно птица, пойманная в силки.

– Мы будем ждать. Я потребовал от Анаса отсрочки на полгода. У нас есть время. Если чужеземцы с юга возьмут город Тамарисков, то это будет для нас знаком, что пришли те времена перемен, о которых говорили мне звёзды. Если же они не возьмут город и войско царя Хамдая прогонит их прочь, то ты станешь княгиней Айона. – Подумав немного, он добавил: – Только не женой Анаса станешь ты, дни его сочтены, он не проживёт и трёх лун. За его сына ты выйдешь – за вельможного Харива.

– Ну что ж, это уже лучше, – сказала она с заметной иронией. – Лучше быть второй женой, чем третьей.

– Жена Харива ждёт ребёнка. Они надеются, что это наследник.

– Эту проблему можно легко решить. – Сонабар положила свою тонкую руку на подлокотник и провела пальцем по кончикам отросших ногтей. – Перетёртый Ворес, порошок срезанного ногтя и немного месячных кровей при полной луне, вот и всё. – Она подняла на него свои прекрасные глаза: – На каком она месяце?

– На четвёртом, – Сенеав ответил с улыбкой. Отцовская гордость переполняла его сердце. Сонабар покачала головой:

– Рано, – сказала она серьёзно, стараясь не замечать улыбки отца. – На шестом месяце это снадобье не только избавит от плода, но и принесёт наибольший вред матери.

– Тогда мы подождём.

С этими словами Сенеав поднялся и нежно поцеловал её гладкий лоб.

– Иди спать, моя девочка, уже поздно. Да pošлют тебе всемогущие духи хорошие сны, предвещающие долгую и счастливую жизнь.

Старуха-нянька сидела у двери в её покои и дремала, прислонившись к стене. Он разбудил её, и она, кряхтя поднявшись на ноги, поплелась к своей госпоже. Постояв немного в коридоре, он слышал серебристый голос Сонабар, отдающей приказания, а потом со вздохом пошёл в свои покои. Сколько месяцев или недель осталось ему жить этим спокойным домашним счастьем? Неумолимо быстро приближался тот день, который навсегда изменит его жизнь. Если бы только он мог остановить время!

На следующий день Сонабар провозгласили невестой князя, вызвав при этом гнев двух жён Анаса, страх нескольких наложниц и досаду тех, кто всё ещё лелеял надежду получить согласие от Сенеава. Вокруг дома выставили лучших дворцовых охранников, и каждый день слуги князя приносили подарки. Улица, на которой жил Сенеав, стала необычайно оживлённой. С утра до вечера там толпились зеваки и любопытные в надежде увидеть невесту князя. Даже те, кто никогда её не видел, рассказывали небылицы о её красоте и мудрости. Другие пересказывали их, придумывая новые сказки. Город весело гудел и наполнился слухами. Анас торопил со свадьбой. Он боялся, что эти слухи дойдут до царя Хамдая и, хотя тот был уже стар, вполне мог заинтересоваться и приказать привести невесту в свою столицу.

Настой красоты

Как обычно в сезон сбора винограда стояла жара. Даже утром в саду невозможно было находиться. Мирмах вошла в дом и сразу же улеглась на приготовленный для неё софан, рабыня принялась овеать её мурухой, прикрепленной к длинному шесту, но это не помогало, подушки парили, и она, пересев на каменную скамью, приказала принести чего-нибудь прохладительного. Служанка убежала и вскоре вернулась с фруктами и кувшином. Увидев, что в кувшине вода, Мирмах нахмурилась. Накануне вечером Харив привёл к ней Сенеава, который, осмотрев её, сообщил радостную весть. Он сказал им, что она ждёт мальчика и что плод хорошо набирает силу, а она сама, в благодарение богам, здорова.

– Не пей вина, прекрасная Мирмах, – посоветовал ей ахкам, – ничего хмельного не бери в рот, пока не разрешишься от бремени.

Довольный и успокоенный Харив провожал мудрейшего, когда у дверей перед ними склонился Авед, прилежный раб, управляющий в его доме.

– Величественной Мирмах не разрешается больше пить ничего хмельного, – сказал ему княжеский сын, – ты проследишь за этим.

– С-слушаюсь, м-мой господин, – ответил Авед.

– Тебе бы лучше отрезать язык этому рабу, – холодно заметил Сенеав, – немой слуга лучше слуги-заики.

Харив усмехнулся, увидев, как побледнел Авед, услышав эти слова, и покачал головой, давая понять, что это ему не грозит.

– Внимательно следи за кухонной прислугой и за рабынями.

Управляющий склонился до земли и, пятясь, торопливо удалился.

Проводив ахкама, Харив вернулся к жене. Бережно он поднял её на руки.

– У нас будет сын! – воскликнул он с восторгом. – Сын! Наследник!

Положив её на кровать, он прилёг рядом. В сравнении с ним она чувствовала себя совсем маленькой, потому что он был огромный и возвышался над ней, как гора, но руки у него были нежные. Он убрал упавшие ей на лоб кудри и начал покрывать поцелуями её лицо, шею.

– Обещай мне, что будешь осторожна теперь, как никогда. Каждое утро гуляй в саду, вина не пей, как повелел ахкам, ни вина, ничего, сделанного из хопса, даже Нинкаси не бери в рот. Я прикажу, чтобы этого всего не было в доме.

– А как же мой приём? Знатные гости вряд ли захотят пить воду вместе со мной.

– Ну хорошо, я верю в твоё благоразумие. Ты пригласила дочь Сенеава?

– А как же! Я давно не видела её, наверное, несколько лет, и мне любопытно узнать, насколько правдивы слухи о её красоте.

– Проказница! – усмехнулся он в ответ.

– Харив, я боюсь, – сказала Мирмах, – ведь женщины иногда умирают при родах.

– Тебе нечего бояться, любимая, ахкам сказал, что ты здорова и всё должно пройти хорошо. К тому же до родов ещё далеко, через несколько недель мы опять пригласим Сенеава, он осмотрит тебя, и я уверен, развеет все сомнения и страхи.

– Пригласим? – с улыбкой переспросила она. – Возможно, что через несколько недель нам нужно будет просить его аудиенции. Скоро ты будешь оказывать его дочери сыновние почести, ведь она станет княгиней Айона.

– Может быть, – задумчиво произнёс он.

– Что означает твоё «может быть?»

– Мудрейший говорил со мной, – продолжал Харив почти шёпотом, – и дал мне надежду, что недолго осталось моему отцу править.

Услышав это, Мирмах уселась в кровати, опершись локтем о кучу подушек.

– В таком случае почему же он согласился на брак своей дочери с князем? – Её мысли побежали. «Вот почему он не торопится со свадьбой! Но Сонабар на выданье, может быть, у Сенеава есть другой кандидат в мужья для его дочери?»

Молодая женщина ничего не сказала тогда мужу, но в её душу закрался страх. К тому же теперь, на шестом месяце беременности она чувствовала себя уязвимой и не такой красивой, как раньше. Равнодушно смотрела она на блюдо с фруктами, отпила немного воды. Сегодня вечером соберутся в её парадных покоях знатные дамы Айона, каждая во всём своём блеске, и ей нужно быть на высоте. В конце концов, она их будущая княгиня. Мирмах выпрямилась и подняла голову. Сколько бы лет ещё ни прожил Анас, скольких бы жён ни взял, придёт время для его преемника сесть на трон, сколько бы амбициозных дев ни желали заполучить её Харива, она станет матерью их будущего князя, вот он только что пошевелился в её утробе, совсем ещё кроха, а уже вселяющий надежду в её сердце.

В саду ещё не стемнело, когда в доме зажглись все лампы, а в парадных покоях стали собираться гости. Для каждой из них было приготовлено место согласно её положению. Три низких резных стула – для жён военачальников и министра по сбору податей, один стул повыше с расшитой подушкой – для супруги Сагира, младшего брата Анаса, два софана – один для Мирмах, а второй, самый роскошный, – для Раисы, первой жены Анаса, матери Харива. Многих раздумий стоило решение о сиденье для Сонабар. Положение её отца было особенным при князе. Главный советник Анаса всегда восседал слева от своего повелителя на высоком сциге с прямой спинкой и подлокотниками, почти таком же, на каком сидел Харив, значит, его дочери полагался софан, но это унизило бы Раису. В конце концов Мирмах приказала поставить рядом со своим софаном сциг – такой же, на каком всегда восседал Сенеав во время княжеских церемоний.

Одетая в голубой лён с золочёным поясом под грудью, возлежала Мирмах на софанах и приветствовала входивших женщин. Когда вошла Сонабар, сердце её сжалось от ревности. Эта девушка была прекрасна. Она видела, какое замешательство вызвало её появление среди присутствующих женщин, а та просто поклонилась и, когда рабыня указала ей на приготовленный для неё сциг, казалась удивлённой.

– Я рада, что дочь мудрейшего посетила нас, – произнесла Мирмах, и это было разрешением для остальных начать разговор.

– Я слышала, что ахам Сенеав обучает свою дочь врачеванию и наукам о звёздах, – сказала жена Сагира.

– Юная Сонабар скоро превзойдёт всех своей мудростью, – подхватила жена военачальника.

– Так же, как превзошла она многих своей красотой, – добавила другая.

– Если в глиняную бутылку налить изысканного вина, она от этого не станет золотой, – невозмутимо ответила девушка, – а во втором, так же как и в первом, нет моей заслуги.

В этот момент вошла служанка.

– Светлейшая Раиса! – возвестила она.

Все поднялись, в том числе и Мирмах, которая прошла к двери, для того чтобы у входа встретить свою свекровь.

В полном молчании та вошла, тяжело опираясь на руку своей рабыни, прошла к софану и улеглась, показав всем расшитые узором подошвы своих туфель. К носку одной из этих туфель прикоснулась губами Мирмах.

– Как поживаешь, дочь моя? – спросила наконец княгиня.

– Счастлива тем, что дорогая матушка решила меня навестить.

Раиса сделала знак своей рабыне, и та начала овевать её мурухой. Все продолжали стоять, а княгиня, прикрыв глаза, полулежала на софанах и, казалось, чего-то ждала.

В проёме двери показался высокий силуэт, и, тихо ступая, в комнату вошёл Харив.

Он сел на пол возле матери и, взяв обе её руки в свои, прижался к ним губами.

– Как здоровье моей единственной? – спросил он.

– Устала я. – Княгиня со вздохом открыла глаза и посмотрела на сына.

– Вы моё солнце, матушка! Разве может солнце устать дарить свет и тепло?

С улыбкой она поцеловала его лоб.

– Ты скоро станешь отцом. Я за тебя рада, сын мой, и надеюсь, что ты будешь гордиться своим сыном так же, как твой отец гордится тобой, – она сказала это громко, так чтобы никто из присутствующих не упустил ни слова, и добавила: – Только сегодня утром наш повелитель сказал мне, что ты его правая рука и он полагается на тебя во всём.

Князь уже давно не появлялся в покоях своей первой жены, она не только не могла поговорить с ним, но и не видела его по нескольку недель. Это была громко сказанная ложь, предназначенная для того, чтобы продемонстрировать своё влияние и уверенность в том, что именно её сын унаследует трон. Поговорив ещё немного с матерью, вельможный Харив ушёл. Служанки подали изысканные блюда и напитки. Отведав тариксели с сыром и отпив несколько глотков вина, Раиса поблагодарила невестку за гостеприимство, пожелала ей здоровья и удалилась, а гости развеселились. Они отдавали должное вину и золотистым цирассам, вкушали зайетун и фаршированные алейнабы. Беседа, поначалу льстиво обращённая к их хозяйке, постепенно сдвинулась на более интересные темы. Приняв непринуждённые позы, женщины потягивали из трубочек Нинкаси и откровенно сплетничали обо всех, кого не было в этой комнате.

Возлежавшая на своём софানে Мирмах чувствовала бы себя совершенно одинокой, если бы не Сонабар, сидящая рядом. Она, так же как и хозяйка дома, не прикасалась к хмельному и, держа в своих тонких пальцах расписной кос, отпивала из него воду маленькими глотками.

Они обе перестали прислушиваться к болтовне сидящих вокруг женщин и, обратив глаза друг к другу, начали свой разговор.

– Я благодарна величественной Мирмах за то, что она позволила мне присоединиться к этому изысканному обществу, – произнесла гостя. – Не иначе как благодаря заслугам моего отца мне была предоставлена такая честь.

– Мы многим обязаны мудрому Сенеаву, – ответила жена Харива, – но известно, что прекрасной Сонабар предназначено место, достойное её красоты, ума и высокого происхождения.

– Этого места я не достойна, – ответила Сонабар.

– Правда ли то, что повелитель велел день и ночь охранять твоё жилище? – полюбопытствовала хозяйка.

– Истинная правда.

– А правда ли, что к тебе сватались высокородный Ндошвалюканна и воинственный Харциаш?

– Это мне неизвестно, – ответила Сонабар с застенчивой улыбкой, – до недавнего времени отец не разрешал мне даже думать о замужестве.

– Я уверена, что твоё бракосочетание станет незабываемым событием в Айоне, – предположила Мирмах. – Ты уже знаешь, каким будет твой свадебный наряд?

– Нет, – Сонабар продолжала застенчиво улыбаться. – У тебя, моя госпожа, такая красивая причёска! Я такой никогда не видела!

– Одна из моих рабынь необыкновенно умна, – ответила жена Харива, – она умеет завивать волосы, укладывать их в роскошные причёски и вплетать в них бусинки ляпис-лазури или золочёные нити.

– Если бы у меня была такая рабыня... – отозвалась дочь Сенеава.

– Я могу уступить тебе её на один день, для того чтобы она научила твоих рабынь делать то же самое.

На следующее утро к Сонабар привели женщину.

– От величественной Мирмах, – доложил стражник.

– Ты кто такая? – холодно спросила её девушка, она, казалось, забыла о разговоре с женой Харива.

– Я Ашиква, – ответила та. – Меня прислала моя госпожа, для того чтобы учить рабынь молодой госпожи делать красивую причёску.

– Дайюн! – позвала Сонабар, и из-за ширмы вышла старуха-нянька. – Дайюн, это Ашиква, она поступает в твоё распоряжение на весь день.

Хорошая рабыня – проворная рабыня. Ашиква это знала, поэтому она делала всё на удивление быстро. К тому же она была очень старательна. Глядя на неё, няня хмурилась, но для неё этот день, несомненно, был днём отдыха.

– Где все рабыни молодой госпожи? – удивлялась Ашиква.

– А тебе зачем знать? – усмехнулась Дайюн. – При госпоже только я.

– Кого же мне учить делать красивую причёску? Тебя?

– Ты наливай воду да не разговаривай.

Наполнив медный таз тёплой водой, рабыня принесла полотенце, для того чтобы Сонабар могла умыться, поднявшись от послеобеденного сна, а няня капнула в воду несколько капель ароматного масла. Дверь отворилась, и в комнату вошёл Умайака с подносом в руках. Весь день Ашиква пыталась поговорить с ним, даже когда ей сказали, что этот раб нем.

– Как?! У таких важных господ немой раб?

– Умайака, поставь всё на стол, – приказала ему Дайюн и, когда тот вышел, пояснила: – Немому рабу цены нет, он не выболтает тайны своих господ.

– Какие тайны могут быть у таких вельможных людей?

– А тебе так всё и расскажи.

В это время проснулась Сонабар. Она вышла из своей опочивальни сонная и недовольная.

– Что это вы тут разболтались?

– А, не слушай нас, голубка, вот попей сахлав, пока горячий.

Но молодая госпожа, умывшись, сразу села напротив зеркала.

– Ашиква, заплети меня красиво, а ты, няня, смотри и учись, – приказала она.

Рабыня взялась за дело, ради которого её сюда прислали. Осторожно она расчесала длинные волосы Сонабар, разделила их на шесть частей, зажала между пальцами золотой шнур и начала плести. Её ловкие руки быстро двигались, пальцы мелькали. Увлёкшись, она, казалось, забыла, где находится, и начала тихонько напевать. Величественная Мирмах всегда капризничала и жаловалась на то, что она слишком сильно дёргает её волосы, а Сонабар сидела спокойно, не шевелясь, сложив руки на коленях. Дайюн внимательно смотрела, как в волосы её госпожи вплетался золотой шнур, как он принимал форму сетки, охватывающей голову, как приподнимал он волосы над шеей и заставлял их падать на плечи шёлковым каскадом. Когда работа была закончена, голова молодой госпожи являла собой восхитительное зрелище, а она, смотрясь в зеркало, была недовольна.

– Няня, ты забыла подать мне моё снадобье, – сказала она строго.

– Ох, святые духи! – воскликнула старуха. – Это всё из-за Ашиквы, она заговорила меня, негодница!

Няня подошла к ларцу, стоящему в углу, приподняла крышку и вытащила глиняную бутылочку, закупоренную пробкой. Старческие руки дрожали, пока она наливала красную жидкость в чашку для своей госпожи. Та выпила всё и наклонилась к зеркалу.

– Ну вот, теперь другое дело, – сказала она, проведя пальцем по своей щеке, которая была нежнее розовых лепестков. – Передай своей госпоже благодарность за то, что она прислала тебя, – обратилась Сонабар к рабыне.

– Значит, я могу надеяться, что меня пригласят для того, чтобы заплести несравненную Сонабар к свадьбе?

– Нет. Причёска хороша, но мне она не подходит. – С этими словами девушка поднялась и ушла в свою опочивальню.

Дайюн принялась убирать в комнате, а Ашиква понюхала жидкость, оставшуюся в чашке, оставленной Сонабар на столе.

– Что это за снадобье, которое пьёт твоя госпожа?

– Это настой красоты, – ответила старуха – мудрейший Сенеав готовится для своей дочери из редких и дорогих трав. Я слышала, как он говорил ей однажды, что эти травы даже дурнушку могут сделать красивой.

Посмотри там в ларце, сколько бутылочек осталось?

Ашиква приподняла крышку.

– Две, – сказала она.

– Ну вот, надо не забыть сказать моему господину, что пора приготовить ещё.

– А что, твоя госпожа каждый день его пьёт?

– А тебе что за дело? Чего ты у меня всё выспрашиваешь?! – рассердилась Дайюн.

– Няня, – позвала из соседней комнаты Сонабар, и старуха засемила к двери в её опочивальню.

Недолго думая, рабыня снова подняла крышку ларца, вытащила оттуда одну из бутылочек и, накинув на голову свой сарпуш, побежала назад к Мирмах.

– Настой красоты? – переспросила с удивлением Мирмах.

– Сам мудрейший сказал, что это снадобье даже дурнушку сделает красивой, – подтвердила Ашиква.

– Когда я видела Сонабар несколько лет назад, в ней не было ничего особенного, – задумчиво произнесла её госпожа. – Это был худой невзрачный ребёнок, и вдруг – красавица!

– Она этот настой каждый день пьёт.

С этими словами рабыня поставила на столик украденную бутылочку.

Оставшись одна, Мирмах прошла по комнате, выглянула в сад. Вечер спустился прохладный, полный росы. В былое время она бы не упустила возможности погулять среди розовых кустов, вдохнуть аромат цветов, насладиться пением цикад и тишиной. Но сегодня у неё скребло на сердце. Харив не пришёл к ней прошлой ночью, он только навестил её перед ужином, поцеловал и ушёл. А ведь совсем недавно княжеский сын не отходил от неё ни на шаг. Уезжая по поручению своего отца, он возвращался пыльный, грязный – и сразу сюда. Смеясь, она морщилась и капризно посылала его мыться, а он оправдывался тем, что спешил к ней и не хотел терять ни минуты. Это было совсем недавно, а казалось, что с тех пор прошли годы. Если бы он пришёл и остался с ней сегодня, если бы всё было, как раньше, она была бы так счастлива.

Мирмах взяла в руки бутылочку и подумала о том, как хорошо быть дочерью колдуна. Отец приготовит волшебное зелье, сосватает за повелителя-князя, а если повелитель охладет к своей жене, он сумеет его вернуть. Она вылила всё содержимое бутылочки в чашку и с любопытством рассматривала красную жидкость. Оно выглядело как обычное вино, а пахло как трава в ночном поле.

– Пойди посмотри, ушла ли та рабыня.

Дайюн вышла из опочивальни, огляделась вокруг, подошла и заглянула в ларец.

– Ушла, – крикнула она, – ушла и бутылочку с собой прихватила.

Сонабар появилась в дверях. Её волосы были распущены и ни следа не осталось от роскошной причёски, которую сделала для неё Ашиква.

– Взяла бутылочку? – усмехнулась она – Значит, поверила.

– Дурёха, – покачала головой Дайюн. – Поверила в то, что моей голубке нужен какой-то настой красоты!

Сонабар взяла оставшуюся в ларце бутылочку, опорожнила её в таз с водой, отдала няньке и приказала:

– Возьми, наполни её ягодным вином и положи на прежнее место.

Я не виноват

Среди ночи слуги Харива пришли за Сенеавом. У входа стояли носилки, и как только колдун уселся в них, скороходы понесли его по безлюдным улицам. Едва он вошёл в покои Мирмах, его чуткие ноздри уловили запах крови. Она лежала в кровати, а Харив, бледный и испуганный, стоял рядом.

– Мудрейший! – бросился к нему княжеский сын. – Я не знаю, что случилось! Она попросила меня остаться с ней, и я был тут. Уверяю, я был нежен, как я мог так навредить?

Молча лекарь отбросил покрывало, которым была прикрыта Мирмах. Её постель была обагрена кровью.

– Тебе лучше выйти, мой господин, – прошептал он.

Корчась от боли, Мирмах перевернулась на бок. Сенеав знал, что спасти ребёнка невозможно, надо было только облегчить страдания женщины и предотвратить возможные осложнения. Положив одну руку на её спину, а другую на живот, он начал издавать глубокий гортанный звук, который вибрировал и проходил через её тело. Наконец боль утихла, и она почти заснула. Стоявшая неподалёку рабыня ждала приказаний. Он жестом подозвал её к себе и велел принести простыней и тёплой воды. То, что в сгустках крови, вышло из утробы Мирмах, было размером с ладонь. Сенеав омыл её, велел поменять постель и дал ей сонных трав.

За окнами брезжил рассвет, а Харив и Сенеав сидели в парадном покое, смежном с опочивальней Мирмах. Княжеский сын был совершенно раздавлен нахлынувшей на него бедой, а ахкам не хотел оставлять его одного. Авед, которому было велено осмотреть покои спящей госпожи, вернулся и принёс незнакомую бутылочку.

– Что это? – хриплым голосом спросил Харив.

– Этот с-сосуд я нашел на столе в п-покоях госпожи, – ответил слуга, – и эту ч-чашку, стоящую рядом.

– На дне чашки я вижу красную жидкость, – удивился Харив. – Неужели она это пила?

– Пахнет вином, – заметил Сенеав.

– Авед! – воскликнул Харив – Я ведь велел тебе следить, чтобы госпоже не подавали ничего хмельного!

– Я н-не знаю, откуда она там взялась, – пролепетал перепуганный раб.

Привели рабыню, которая пряталась в опочивальне Мирмах.

– Как твоё имя? – спросил Харив.

– Ашиква, мой господин.

– Скажи, Ашиква, откуда у госпожи Мирмах эта бутылочка?

Рабыня тряслась всем телом и молчала.

– Говори!

– Я принесла, – прошептала женщина.

Рабыню увели, а Сенеав поднялся и положил свою жилистую руку на плечо княжеского сына.

– Утешься, вельможный Харив. Придёт время, и боги даруют тебе прекрасных сильных сыновей.

Мирмах проснулась в своей кровати, её отуманенный разум не сразу осознал всё горе, которое её постигло. Долго она лежала неподвижно, вспоминая о том, что произошло накануне. Был вечер, пришёл её возлюбленный супруг, она, выпив настой, чувствовала себя красивой и желанной. Харив остался с ней, он был кротким и нежным, а она была на вершине счастья. В объятиях друг друга, они оба заснули, а среди ночи её разбудила тупая боль в животе. Боль отдавалась в поясницу и правое плечо. Харив проснулся, услышав её прерывистое дыхание, позвал служанок, которые прибежали, зажгли лампы и увидели, что их госпожа истекает

кровью. Сенеав пришёл. Он убрал боль и погрузил её в глубокий сон. Теперь Мирмах лежала в кровати и, положив руку на живот, вспоминала, как только вчера шевелился в её утробе ребёнок, а теперь там было пусто. Почти полгода она думала о своём будущем младенце и представляла себе, каким он будет, как встанет на ножки, как заговорит. Только вчера она знала, что не одна в этом мире, а теперь вокруг неё зияла чернота одиночества. Из её глаз потекли слёзы. Она плакала, рыдала в голос и звала своего мужа, но он в это время был далеко от неё. Подтянувшись на руках, она попыталась сесть в кровати, её прокладка была мокрой от крови.

– Ашиква! – позвала она свою рабыню, но ей никто не ответил.

Ашиква в это время лежала на дне сухого колодца со сломанной шеей.

Пыль, поднимаемая копытами его коня, смешивалась со знойным маревом и стояла облаком за спиной. Дорога всегда приносила ему утешение, а гнев заглушал боль. Если разжечь в своём сердце бурю негодования, то ощущение утраты покажется не таким мучительным. «Как могла Мирмах совершить такую глупую ошибку?» – думал Харив. Как могла послушаться его и не уважить совета мудрейшего! Теперь она одна, больна и, возможно, умирает, а его нет рядом, и это справедливая кара за ту глупость, которую она совершила.

Чем дальше он удалялся от города, тем сильнее было его желание вернуться назад, прийти к ней, услышать её голос, но страх увидеть горе своей любимой не давал ему повернуть коня. Однако ехать было некуда, и ему нечего было делать среди этих мирных посёлков, плодородных садов, отяжелевших виноградников, которые благополучно выносили свои плоды и стояли теперь во всём торжестве, купаясь в солнечных лучах. Свернув на боковую дорогу, княжеский сын натянул поводья, осмотрелся вокруг и, нехотя повернув назад, поскакал в сторону Айона.

Городские стражники, пропустив его, поклонились с равнодушными лицами. Никто и не подозревал о том горе, которое с ним случилось, а ему казалось, что об этом должен знать весь мир. Обогнув площадь, Харив остановил своего скакуна возле женской половины княжеского дворца, там, где царствовала его мать – вельможная Раиса. Рабыни склонились до земли, когда он проходил мимо, ей доложили о прибытии сына, и она поспешно вышла к нему.

– Как она могла так поступить! – сетовал Харив на этот раз вслух. – Как могла она пить вино, когда ахкам настоятельно советовал ей не брать в рот хмельного!

– Сенеав убедил тебя в том, что Мирмах потеряла плод из-за чашки выпитого вина?

– Он навестил нас пару дней назад и предостерёг её...

– Как бы не был сведущ мудрейший, он никогда не носил в своём чреве дитя. Поверь мне, сын мой, несколько глотков хмельного не повредят здоровой женщине и не заставят её выкинуть так внезапно. Не от вина это случилось с твоей женой, а от того, что было в этом напитке. Откуда взялся тот сосуд?

– Одна из рабынь призналась в том, что она принесла его своей госпоже, а откуда – она не сказала.

– Пришли её ко мне, я хочу сама расспросить её об этом.

Харив немного замаялся.

– В сердцах я сказал, что надо бы свернуть шею этой служанке, – признался он, – а рабы поспешили выполнить моё пожелание.

– Ну что ж, – вздохнула княгиня, – придётся тебе расспросить об этом Мирмах.

Наконец служанки услышали её стоны и пришли с горячей водой и чистыми простынями. Предложили поесть, но действие успокаивающих трав, которые дал ей накануне ахкам, ещё не прошло, и единственное желание, которое сейчас было у Мирмах, – это забыться сном. Засыпая, она чувствовала, как её прокладка быстро наполняется кровью, горячие потоки

подтекали под неё, просачивались в постель, а у неё не было сил пошевелиться и позвать на помощь.

Воспользовавшись тем, что в опочивальне госпожи было тихо, одуревшие от безделья рабыни сидели в передней и судачили.

– Это правда, что Ашикву казнили? – спросила одна из них.

– Поделом ей, – отозвалась другая, – только кто теперь будет заплетать госпожу?

– Я могу заплести не хуже.

В саду быстро сгущались сумерки, пора было зажигать лампы, но женщины не спешили.

– Может быть, надобности в этом больше не будет, – промолвила третья, важно качая головой. – Выкидыш первенца – плохой знак, да и красота женщины после этого блекнет. Вот увидите, скоро господин возьмёт себе другую жену.

– Уж не тебя ли?

Все три служанки захихикали, когда в переднюю вошёл Авед. Увидев в полутёмной комнате смеющихся рабынь, он рассердился.

– У господ такое горе, а они смеются, бездельницы! Быстро принести огонь, сюда наш вельможный господин идёт!

Харив вошёл, когда служанки второпях зажигали светильни, но в комнате Мирмах было темно. Он приказал внести лампаду и увидел её на кровати – бледную, как воск, лицо её было умиротворённым, даже казалось, что она чуть-чуть улыбается. Сын князя был закалённым воином, привыкшим к виду смерти, он не закричал, не зарыдал, а молча стоял перед ней. Он вспомнил её глаза, её голос, как она просила его не уходить, остаться с ней, а он ушёл, для того чтобы бездумно носиться по полям, оставив её на попечение бестолковых рабов, а теперь она умерла, и он никогда больше не услышит её голоса. Медленно повернувшись, он вышел из её комнаты. В переднем покое стоял Авед, а позади него – три служанки, ожидавшие приказаний. Кивком головы он велел им пройти к госпоже, и через несколько секунд оттуда раздались вопли и плач. Управляющий стоял перед ним, склонив голову, и в сердце Харива поднялся гнев на своего слугу.

– Я приказал тебе следить за тем, чтобы госпоже не приносили вино, я отдал в твоё распоряжение дом, а ты...

Авед упал перед ним на колени.

– М-мой г-господин! Я не виноват...

В ушах Харива шумело, и сквозь этот шум он слышал голос собственной вины. «Ты виноват», – твердил голос.

– Ты виноват, – повторил он вслед за этим голосом, – ты виноват в смерти моего не родившегося сына! Ты виноват в смерти моей жены! – Он вынул меч.

– Умоляю, мой господин, пощадите!.. – Но раб не успел договорить, быстрым движением руки Харив рассёк ему горло.

Предсказание

Свадебный пир князь решил сделать очень скромным, ссылаясь на смутные времена. Поговаривали, что царь Хамдай будет собирать войска из подвассальных территорий. Грядёт война. Но Сенеав догадывался об истинной причине. Князь боялся показать невесту Хамдаю. Никто в Айоне не беспокоился тогда всерьёз о войне. Люди знали, что откуда-то с юга двигались враждебные племена, но для того, чтобы приблизиться к Айону, им надо было взять город Тамарисков, который считался неприступным, и если царь Хамдай ещё не созвал ополчение, то и Анасу нечего беспокоиться о войне. Он же теперь думал только о своей женитьбе. Как юноша, окрылённый первой любовью, он навещал Сенеава в его доме и смиренно просил разрешения ещё раз взглянуть на невесту. То было радостное время в Айоне, предвкушение праздника и свадебного пира, но как-то на закате, покрытый потом и пылью, падающий с ног от усталости, пришёл один из людей в город и принёс страшную весть: «Пал город Тамарисков».

Его напоили водой, мыть не стали, притащили к князю. Сенеав был там. Стоя с правой стороны от трона, он с изумлением слушал сбивчивый рассказ о том, как были разрушены столетние стены, и враг взял город без боя. С трубными звуками вошли они и вышли, унося с собой сокровища, накопленные поколениями царей. Пленных не взяли, что было странно, неужели им не нужны рабы, наложницы, девочки для увеселений? Впрочем, этот человек рассказал, что одну женщину вывели солдаты из города. Её и её родителей вывели они и с почестями увезли с собой, а город разрушили до основания. Ответа на вопрос, кто такая была та женщина, этот несчастный не знал, а только трясся и стонал: «Смерть пришла за нами, князь. Смерть».

Когда Анас понял, что из этого человека больше ничего не вытрясти, он велел запереть его, чтоб не болтал и не поднимал панику в городе. А сам собрал трёх своих министров. Он был человеком решительным, закалённым в битвах, и знал, что делают при приближении войны. Дав приказание собрать дополнительный налог, стянуть ополчение из соседних деревень и подвассальных территорий, он повернулся к Сенеаву. С тех пор как Сонабар провозгласила невестой, он обращался к нему с сыновним почтением и иначе как Ахам – мудрейший – его не называл.

– Ахам, прошу тебя, вопроси судьбу. Обратись за нас к Богам и спроси, даруют ли они нам победу?

Медленным шагом, в глубоком раздумье, возвращался Сенеав к себе. Двое слуг с факелами в руках освещали ему дорогу. Улицы были пусты и безлюдны, город давно спал. Княжеские охранники у дверей его дома почтительно расступились и поклонились ему вслед. Только одно окно наверху светилось золотистым светом, он знал, что Сонабар не спит, ждёт его. Уже давно он привык приходить к ней и рассказывать о том, что произошло за день во дворце, её суждение всегда было точным и здравым, и он любил обсуждать с ней все свои решения и планы. Но в этот вечер ему надо было обдумать, что сказать ей, а что не сказать. Его сердце сжималось от страха. Не за себя – за неё.

– Меня не беспокоить, – приказал он Умайаке, немому рабу, стоявшему у дверей, и прошёл в ту комнату без окон, куда, кроме него, никто не смел войти.

Он зажёл светильник, и пламя отразилось в медном диске на стене, осветило прокопчённый потолок и клетку, в которой томились, без воды и в темноте, несколько ворон. Он вдохнул полной грудью запах жжёного мускатного ореха и улыбнулся от удовольствия. Из этой комнаты он всегда выходил, зная больше, чем тогда, когда входил. Не теряя времени, он принялся за дело. Князь попросил его вопросить судьбу, и он вопросит. Только не судьба князя интересовала его сегодня, а судьба Сонабар и его собственная участь.

На алтаре, высеченном из куска чёрного мрамора, стояла железная тарелка на ножках. Из середины тарелки торчал железный штык со следами засохшей крови. Сенеав заточил нож, разжѐг огонь под тарелкой и насыпал толчёного мускатного ореха, который вскоре задымился. Он подошёл к клетке, стоявшей в углу комнаты. Две птицы были мертвы, он схватил одну из тех, что были ещё живы. Истощённая ворона отбивалась из последних сил. Колдун быстро положил птицу на алтарь, вытащил из её груди сердце и бросил на дымящийся мускатный орех. Птица была ещё жива, когда он одним ударом ножа отсѐк ей голову и насадил на штык, торчащий посередине тарелки. Дым поднимался вокруг, клюв открывался и закрывался, голова птицы захрипела, и Сенеав отчётливо услышал те же самые слова, которые говорил сегодня тот измождённый человек во дворце князя: «Смерть пришла за нами...»

– А как же я? – спросил нетерпеливо колдун.

– Слово твоё проживѐт в веках... – прохрипела голова птицы.

– А как же дочь моя Сонабар?

– Она ещё вернѐтся, – сказала голова уже еле слышно и умолкла.

Долго сидел Сенеав, смотря на голову птицы, обдумывая то, что услышал. «„Слово твоё проживѐт в веках“... Это можно понять как то, что мой совет ещё понадобится новому правителю, – сказал он сам себе. – А „Сонабар вернѐтся“... Наверное, её увезут, и я буду тревожиться о ней, но она вернѐтся... за мной». Он ещё раз обдумал это своё толкование и решил, что оно верное. Ему пришли на память слова о том, что хоть чужеземцы и не взяли пленных из города Тамарисков, но всё же они вывезли одну женщину. Наверное, она была немисливо хороша. Может быть, эти люди очень разборчивы и вывозят из захваченных городов золото, серебро и только одну самую красивую пленницу? А из Айона кого же вывозить, если не его дочь? Да. Он велит старухе, которая ходила за Сонабар с самого её рождения, одеть её в красное с синим – самое нарядное одеяние, он же наденет на неё драгоценности её матери – те, что она привезла с собой из Египта.

Двери не закрывать. Пусть весь город защищается и гибнет, а тут двери будут открыты. Он представил себе Сонабар в одеянии цвета индиго, с алыми лентами на поясе и под грудью, красный плащ тонкой шерсти, слегка ворсистый, спадающий с её точёных плеч, золото на груди и запястьях.

В его живом воображении возникла картина захвата города – так, как будто он это уже видел на самом деле. Яростная битва, кровь, разъярённые солдаты, крики женщин, видящих гибель своих мужей и сыновей. Сенеав нахмурился. Он знал, что есть только три побуждения, которые ведут человека: честолюбие, алчность и похоть. Это то, что заставляет людей созидать, разрушать, страдать и радоваться. Это то, что ведѐт их на войну. Используя эти три побуждения, он давно уже научился манипулировать людьми. И не только он. На мужских слабостях всегда играют женщины, используя свою красоту. Умные выигрывают, а глупые проигрывают. Он всё обдумал. Воины дают волю своей похоти среди простолюдинок. Среди богатства и власти пробуждается честолюбие. Каждый захочет выслужиться перед вышестоящим, угодить, попасть в особую милость к сильному мира.

Его дочь – красавица, одетая как принцесса, пробудит уважение к власти, но золото на ней может вызвать приступ алчности даже у самого дисциплинированного воина. Именно приступ, минутную слабость, и это может стоить ей жизни. Нет. Золото он спрячет. Только вот где? В стене? Но если город Тамарисков был разрушен до основания, то нет гарантии, что и Айон не постигнет та же участь. Он принял решение и пошѐл к Сонабар, чтобы поделиться с ней своим планом.

Через несколько дней слух о приближающейся войне разнѐсся, как на крыльях, и город охватила паника. Через большие и малые ворота входили ополченцы, вооружѐнные кто чем. На рынке бойкие торговцы продавали свой товар втридорога, другие, опасаясь грабежа, запирали ставни своих магазинов. По улицам бродили праздные люди, женщины судачили на пере-

крёстках, ничего не понимающие дети растерянно ныли, держась за юбки своих матерей. На площади рабы украшали коврами и яркими тканями наспех сколоченную трибуну. Из окон дворца вывесили знамёна с жёлтыми и зелёными полосами – цветами Айона. Воины и ополченцы выстроились перед трибуной, и туда же пришли почти все жители города. Толпа заполонила не только площадь, но и улицы, окружающие дворец. Воздух гудел тревожными головами, и на фоне этого гула монотонный барабанный бой заставлял трепетать каждое сердце. Внезапно этот гул стих, и барабаны, ударив три последних раза, умолкли. На трибуну поднялся князь. Все глаза были устремлены на него со страхом и надеждой, словно судьба каждого из них зависела только от одного его слова. Положив руки на борт трибуны, Анас осмотрел ряды выстроившихся перед ним солдат. Тишина и ожидание зависли над площадью, и только тогда, когда это ожидание стало звенеть от напряжения, он заговорил.

– Я собрал вас здесь, вас, людей военных, потому что получил известие о приближении неприятеля.

Толпа, как один человек, вскрикнула от испуга, словно люди услышали об этом впервые. Гневно обвёл глазами толпу князь.

– Я собрал здесь людей военных! – повторил он. – Почему же я вижу перед собой мастеровых, торговых людей? Почему подмастерья шатаются без дела?! Неужели их наставники потеряли плётки? Мы удивлены, видя наших подданных праздными, словно у нас пир или большое горе. Уж не о павшем ли городе Тамарисков вы горюете?! Уж не его ли жителей оплакиваете?!

Люди стыдливо потупились, словно их обвинили в чём-то непристойном.

– Много лет мы платили дань царю Хамдаю! – гремел с трибуны Анас. – Мы кормили его и его слуг, одевали их в красную шерсть, поставляли им скот и лошадей. В самые трудные неурожайные годы мы собирали последнее и отсылали им. И вот теперь нет больше Хамдая! Что же вы трепещете?! Почему я вижу страх в ваших глазах?! Вы думаете, что город Тамарисков пал потому, что враг силён?! Нет! Царь Хамдай пал, потому что боги разгневались на него. Боги отвернулись от него и повернулись к нам! Мы победим чужеземцев, прогоним их и заберём у них богатства Хамдая, которые теперь по праву принадлежат нам!

Князь опять повернулся к солдатам.

– Вы думаете, я призвал вас для того, чтобы защищать город? Стены Айона защитят его жителей, а ваш долг – погнать неприятеля. Вы погоните их и усеете их трупами дороги отсюда и до красных гор! Вы прогоните их так далеко, что те из них, кто останется жив, забудут дорогу сюда! Вперёд, мои воины! Идите в бой без страха!

Вас ждут слава, победа и большое богатство!

Пламенная речь Анаса была встречена восторженными криками. Те, кто не расслышал, переспрашивали соседей, те, кто слышал, с удовольствием пересказывали то, что сказал князь.

Однако на следующее утро, когда дозорные подняли тревогу и люди, взобравшись на стены, увидели вдалеке, в рассветной дымке, стройные ряды неприятеля, их сердца дрогнули. Было что-то необычное в том, как они шли. Обычно воины ступают тяжело, гремя оружием, с песней или воинственным кличем, подбадривая друг друга и стараясь изо всех сил нагнать страх на врага. Но эти шли тихо, одетые в белое, без шлемов и доспехов, только с чёрными ремнями, повязанными вокруг головы. Ни всадников, ни медных колесниц не было при них, каждый был препоясан мечом, и всё. Утренний туман стелился до самого горизонта, и поэтому казалось, что они не шли, а парили над холмами. Что-то чужое, непонятное и поэтому страшное было в этих людях. В том, что они шли не торопясь, не прячась, по направлению к городу, прямо к назначенной цели.

Сенеав стоял у окна своего дома и смотрел на толпы людей, убегающих из города. Они уходили через малые ворота, и те, кому удастся уйти до того, как Анас велит закрыть выход, может быть, спасутся, если не попадут в руки грабителей, которых в эти смутные времена должно быть множество на дорогах. Когда малые ворота закроются и поредеет толпа, Сенеав

выйдет из дома. Тяжело было ему принять это решение, и он до сих пор сомневался. Уйти, оставить её одну в доме под присмотром всего лишь старухи-няньки – смелый, отчаянный шаг. Он продумал и просчитал все возможности. Уйти с ней – значит подвергнуть её опасности на дороге, не говоря уже о жгучем солнце, которое спалит её нежную кожу и нанесёт вред её несравненной красоте. Да и куда они пойдут? Здесь, в их родном городе, они именитые люди, придя же в другой укрепленный город, они будут не более чем беженцы, и Сонабар окажется в положении, неподходящем её сану. Скорее всего, она сразу же попадёт в кровать какого-нибудь собирателя налогов или свежеспечённого советника. От этой мысли у Сенеава сжались зубы и губы побелели от гнева.

Новый народ приходит на эту землю, новый закон, другая жизнь. Пусть его дочь не станет женой правителя, пусть ей даже придётся быть простой наложницей, но главное – чтобы она стала частью этой новой жизни.

Счастлив тот мужчина, которому ещё сегодня до захода солнца суждено получить этот бесценный дар, этот трофей – прекрасную Сонабар. Как только она найдёт покровителя среди завоевателей, ей удастся занять достойное положение с помощью своего ума, красоты и тех глубоких таинственных знаний, которые он ей дал.

Улицы города опустели. Это был знак, что ему пора идти. Нянька известила его о том, что молодая госпожа одета согласно его повелению. Он направился в её покои, чтобы проститься, но остановился у двери. Сердце его сжимала тоска. Весь план был обговорён уже давно и не один раз. Зачем прощаться? Постояв у двери, Сенеав так и не решился войти.

Одетый в дорожную одежду, с маленьким глиняным кувшинчиком в руках, он вышел из дома. Было что-то нереальное в том, как были пусты и безлюдны эти залитые утренним солнцем улицы. Издали, со стороны городской стены, доносился стук деревянных повозок, крики, отрывистые приказы, а здесь было тихо. Горожане притаились в своих домах, откуда-то донёсся плач испуганного ребёнка.

«Я сошёл с ума, – подумал Сенеав и остановился посреди улицы. – Как я могу уйти?! Моё место рядом с моим ребёнком. Стоять подле неё, утешить, если ей страшно, защищать, если понадобится, быть рядом – вот мой долг!»

Но он знал, что чужеземцы, входя в захваченный город, убивают мужчин. Всех без исключения.

«Меня убьют, – подумал он. – Убьют у неё на глазах. После этого, даже если она попадёт в царский дворец, она не сможет быть счастливой. Она всегда будет смотреть на этих людей как на убийц своего отца».

Сенеав стоял посередине улицы, закрыв глаза и раскачиваясь из стороны в сторону. Он хотел, чтобы она была счастлива, и он хотел жить, чтобы увидеть её счастливой. Увидеть её под покровительством влиятельного человека, который будет беречь её после того, как его, Сенеава, уже не будет.

И он пошёл дальше.

Недалеко от малых ворот его окликнул Анас, который в сопровождении своих офицеров лично проверял посты. Сенеав поклонился, а князь, подойдя, крепко обнял его.

– Ахкам, ты пришёл, чтобы поддержать нас? Что сказали вещие духи? Ты о нас спросил? – спросил он с тревогой.

– Вопросил, – Сенеав ответил, прямо и открыто смотря в глаза князю. – Ответ благоприятный.

Лицо Анаса просветлело, и окружившие их офицеры заулыбались. И тогда к Сенеаву пришло ясное видение, такое, которое не посещало его уже много лет. Чужеземцы бегут, а войско Анаса преследует их по пятам. На миг он даже увидел лицо князя, распалённое погоней. Клубы пыли на дороге поднялись и осели, и вся дорога была усеяна трупами. Это были тела защитников Айона, среди них Сенеав увидел и князя.

– Они побегут от тебя, князь, и ты помчишься за ними в погону... – он не договорил, волнение сжало ему горло. Радостно переглянулись между собой воины. Вельможный Харив появился неподалёку в окружении своих офицеров. Увидев отца и его людей, которые улыбались, словно слышали хорошую новость, он подошёл поближе. Его люди смешались с приближёнными князя, и те оживлённо делились с ними радостной надеждой, которую подарил им Сенеав.

– Они побегут от нас, – гудели они в унисон, – так сказал мудрейший.

– Куда ты направляешься? – спросил его тем временем князь.

– Я иду принести дар богам за их помощь.

Князь с любопытством взглянул на кувшинчик в руках своего советника.

– Где ты хочешь принести свой дар?

– Для этого мне нужно выйти за ворота города.

Анас разочарованно отвернулся. Ему не удастся узнать, что в кувшине.

– Ладно, – ответил он. – Только возвращайся поскорее, враг скоро будет здесь.

– Я не замедлю вернуться, мой господин, – сказал Сенеав и не спеша направился к воротам.

Один из офицеров нашёптывал князю: «А вдруг он убежит, государь? Может, лучше было бы его задержать?»

– Что ты болтаешь? – ответил Анас. – Сбежит и оставит позади свою дочь?

– А может, он её с собой забрал? – не унимался офицер. – Превратил в мышь и унёс. Может быть, она у него в кувшине.

Эти слова позабавили Сенеава и отвлекли его от тревожных мыслей и страхов. Он вышел за ворота, которые плавно открылись перед ним, а потом с лязгом закрылись за его спиной. «Если бы можно было превратить Сонабар в мышь, – подумал он, – и унести её подальше от города, был бы я готов это сделать?» Ответ был простой – нет. Зачем превращать? Он мог бы вывести её из города несколько дней назад, когда ещё никто не думал бежать. Просто бежать некуда. Вся эта земля будет захвачена пришельцами – отсюда и до моря, на север и на юг.

От Малых ворот дорога спускалась в росистую долину и вела на северо-запад, к морю. Сенеав быстро сбежал вниз и, свернув влево, начал крутой подъём в гору. Его одежда хоть и была сшита как дорожная – с укороченным меилем, широким поясом, к которому были пристёгнуты мех с водой и охотничий нож, – но всё же была неудобна для пеших прогулок. Одной рукой он приподнимал полы одежд, другой прижимал к груди кувшинчик, в котором позвякивали драгоценности. Ему приходилось перепрыгивать с камня на камень и залезать на валуны, надеясь только на силу своих ног. Очень скоро он выбился из сил и присел на камень, чтобы перевести дух. Колючий кустарник и деревья закрывали от него вид на город и на дорогу. Здесь было тихо, только ветер трепал сухие травинки и гудел среди колючек. Ящерица выползла, чтобы погреться на солнце, но, увидев человека, юркнула и скрылась среди камней. Сенеав осторожно поставил кувшинчик на землю и поднял мех с водой, который тяжело оттягивал его пояс. Развязав его, он хотел было напиться, но, услышав приближающиеся голоса, завязал его вновь и поднял с земли свою драгоценную ношу. Вскоре он увидел двух беглецов из Айона. Они шли вдоль дороги, спотыкаясь о камни и продираясь сквозь колючий кустарник, очевидно, опасаясь, что их заметят. Увидев Сенеава, эти двое вздрогнули от неожиданности. Один из них поклонился низко, со значением, безошибочно распознав аристократа, и как-то боком, искоса поглядывая на него, отошёл в сторону. Его спутник тоже поклонился и, последовав за ним, громко зашептал:

– Ты знаешь, кто это? Это же советник князя. Что он тут делает?

– Возможно, то же, что и мы. Пойдём.

– Подожди! Если он сбежал, то, наверное, не с пустыми руками.

Они ещё пошептались, и через несколько минут тот второй вышел и встал перед Сенеавом. Подбоченясь, с наглой усмешкой он сказал:

– Ну что, старик. Тяжело тебе? Дай-ка я освобожу тебя от твоей ноши, а то золото оттянуло тебе пояс.

Сенеав молчал.

– Ты что, оглох? Ну, не хочешь сам отдать, так я возьму. Тебе ведь это всё уже не нужно, – и он собрался вскарабкаться наверх, когда Сенеав остановил его жестом.

– Если ты сделаешь ещё шаг, то к своей смерти шагнёшь. Гиены сожрут твои кишки, а кости высушит ветер.

Человек этот приостановился, суеверный страх согнал усмешку с его лица, но алчность всё же победила. Он решительно двинулся вверх по холму, подтянулся, держась руками за колючие ветки, влез на валун и поскользнулся. Его нога попала между валуном и камнем поменьше. Судорожно цепляясь за ветки, он пытался удержаться, но вес его тела потянул вниз, и он упал. Скатившись вниз, он хотел было подняться, но повалился опять с громкими стонами, призывая своего товарища на помощь. Его спутник подошёл к нему, с опаской поглядывая на Сенеава, который сидел и невозмутимо смотрел на эту сцену.

– Говорил я тебе – не надо... – зашептал он.

– Помоги мне подняться. Я обопрюсь о твоё плечо, и пойдём.

– Как ты пойдёшь, ты же себе ногу сломал?! – С этими словами он срезал что-то с пояса раненого и отошёл в сторону.

– Эй! Ты чего это? Это мои деньги! Стой!

Но тот ушёл, не оборачиваясь.

– Постой! – кричал он ему в след. – Не оставляй меня тут! Постой!

Переменяя сильные рыдания со стонами, он пытался ползти, опираясь на локти. Но это, по-видимому, доставляло ему нестерпимую боль. Он прополз расстояние не больше двух шагов и, уронив голову, заплакал.

Через какое-то время он поднял мокрое от слёз, грязное лицо и оглянулся вокруг. Увидев Сенеава, он стал молить его о помощи.

– Мудрейший! – обратился он к нему. – Ты был прав, прости меня! Послушай, если ты меня вылечишь, я буду служить тебе, я буду твоим рабом. Не оставляй меня здесь! Ведь я ещё совсем молодой, я не хочу умирать!

Но Сенеав молча и невозмутимо слушал его стенания. Поставив на землю свой кувшинчик, он опять поднял мех с водой и стал развязывать. Раненый облизнул пересохшие губы, притих и с надеждой смотрел на него. Сенеав отпил несколько глотков и стал завязывать мех. Тогда стенания и мольбы возобновились.

– Я предупреждал тебя, – только и сказал ему Сенеав.

Дерех Анатот, 2007 г.

Солнце ещё не взошло, и по земле стелился туман. Эли стоял, высматривая на дороге автобус, который каждое утро привозил рабочих. Это была спонтанная раскопка, которая началась после того, как во время строительных работ недалеко от поселения Альмон обнаружили древние артефакты. Так, ничего особенного: черепки от глиняной посуды бронзового периода.

Он знал, что ему поручили руководить этой раскопкой только потому, что ничего из ряда вон выходящего здесь найти не ожидалось, а средства и время были ограничены. Три недели на то, чтобы поднять всё, что найдут по периметру той площади, которую пересечёт новая дорога.

Всё равно его переполняло чувство гордости, когда он получил лицензию. Раскопка Дерех Анатот, номер 52, директор – Элиэзер Эдри.

«Директор – Элиэзер Эдри», – повторил он про себя с улыбкой.

Ему представилась редкая возможность руководить раскопкой, не каждому так везёт. Его удача состояла в том, что артефакты нашли на сравнительно небольшой глубине, что подрядчик, чьё строительство остановили, был очень недоволен. За спиной подрядчика стояли очень важные люди, которые без лишних разговоров «отстегнули» приличную сумму на финансирование археологических работ, но в это время года, в сезон, когда во многих местах шли заранее запланированные раскопки, отделению древностей некому было поручить эту работу.

Эли верил в свою удачу. Ему было велено копать не глубже двух метров от нулевой отметки, но нулевую отметку он выбрал ту, что пониже. Из соседних деревень наняли рабочих, а из университета к нему пришла помощь в лице студентов-добровольцев. Слои за слоями соскребали они землю, просеивали, промывали сквозь сито ведра земли, но ничего, кроме отдельных кусочков керамики, не находили, и вот вчера под конец рабочего дня, когда июльское солнце беспощадно палило так, что даже под навесами невозможно было находиться, один из рабочих позвал его.

– Господин Элиэзер!

Он подошёл и увидел два камня, оба они были прямоугольными, но слегка скошенными с той стороны, где были приложены друг к другу.

– Это кладка! – Опустившись на колени, Эли руками стал вытирать их поверхность, разгребать комья сухой земли – Здесь копай!

– Господин Элиэзер, сейчас уже автобус придёт.

Он был прав, их рабочий день закончился. Час дня – самое пекло. Остальные арабы в ожидании автобуса попрятались под навес, а у этого загоревшего до черноты рабочего из-под головной повязки струился по лицу пот.

– Ладно, Захид, – Эли поднялся и похлопал его по плечу, – собирайся домой. Завтра продолжим.

Когда рабочие уехали, а студенты после обеда ушли в свои строительные вагончики, Эли взял скребок и метёлку, подхватил на ходу ведро и пошёл туда, где Захид откопал эти два камня. За два часа ему удалось откопать ещё несколько камней, они шли по кругу.

Студенты, успевшие хорошо отдохнуть под кондиционерами, выходили и по одному, по два собирались вокруг него.

– Это колодец, – торжественно сообщил он им. – Кто хочет ещё поработать? Может быть, мы его полностью откопаем? – И те с воодушевлением взялись за скребки и метёлки.

Они успели много разгрести до наступления темноты, а на рассвете он стоял в шортах и измятой футболке, с нетерпением всматриваясь вдаль, ожидая автобуса с рабочими. Его спина и плечи сильно болели, он обгорел вчера, работая на открытом солнце, но утренняя прохлада приносила облегчение. Туман поднимался, оставляя тяжёлую росу на земле, скоро взой-

дёт солнце и высушит, накалит всё вокруг, но не об этом он сейчас думал. Вчера они нашли колодец, а это означает, что вокруг, под слоями земли, пыли и камней, скрыты от глаз следы человеческого жилья. Вот они – здесь, под его ногами: стены, некогда ограждавшие своих жильцов от непогоды и диких зверей, очаги, в которых когда-то жарко горел огонь, незамысловатые предметы быта... Всё это ему предстояло найти, и он не мог дожидаться, когда приедут рабочие. В боковом кармане звякнул мобильник, возвещая об Смс-сообщении, Эли вытащил его и, с трудом оторвав глаза от дороги, взглянул на экран. Сообщение от Ахмеда, водителя, было просто и лаконично: «Блокпост перекрыт, ждём».

Вот досада! Впрочем, тут нечему удивляться, такие вещи случаются довольно часто, только вот работа стоит, а время дорого.

Под навесом был накрыт стол к завтраку. Студенты выходили из вагончиков, вокруг разносился запах кофе и поджаренного хлеба, сонные голоса становились звонче, Эли направился к ним.

– Ребята! – обратился он к студентам. – Вы вчера отлично поработали! Вы собственными руками раскопали колодец, который был выкопан здесь более трёх тысяч лет назад. Это означает, что мы нашли поселение позднего бронзового периода. Мы не знаем, кто были эти люди, мы не знаем, как они жили, чем занимались, но вы все – будущие историки, археологи, искусствоведы – наверняка хотите это узнать.

– Да, – закивали головами жующие парни и девушки. – Конечно, хотим.

– Конечно! – с воодушевлением продолжал Эли. – Поэтому вы и пошли добровольцами на эту раскопку! Разумеется, вы пришли сюда для того, чтобы обрабатывать материал, а не работать лопатой, для этого была нанята бригада рабочих, но я не знаю, когда приедут рабочие, не знаю, будут ли они сегодня вообще. Нам надо продолжить работу, не дожидаясь их прибытия. Друзья, время дорого, давайте начнём, а то через несколько часов будет так жарко, что на площадке невозможно будет находиться.

– Давайте, – согласились они и, поспешно допив свой кофе, потянулись за ним к разбитой на квадраты территории, разбирая на ходу лопаты, подхватывая вёдра, скребки и метёлки.

Закипела работа. Эли, подчиняясь своему инстинкту, начал копать чуть подальше, метрах в десяти от колодца. Когда его лопата ударилась о камень, он стал работать осторожнее и вскоре, вовсе оставив её, взял в руки скребок. Перед ним опять была кладка. Только на этот раз это были два ряда прямоугольных камней. Он продолжал работать и вскоре обнаружил каменные плиты. Теперь уже и студенты присоединились к нему.

– Это дом, – пояснил Эли. – Два ряда камней – это то, что осталось от стены, а здесь пол. Копайте осторожно, здесь будут находки.

В течение нескольких часов они упорно трудились, копали, наполняли вёдра землёй, эту землю грузили в тачки и отвозили к вагончикам, туда, где под навесом девушки промывали всё это через сито. Они находили предметы домашней утвари, чаще всего куски керамики, иногда попадались металлические предметы. Находки выкладывали на солнышко, чтоб просушились, потом, к вечеру, всё это пронумеруют и уложат в ящики.

Каждый раз, когда Эли работал лопатой, он думал о том, что археология – это разрушение. Разрушение слоёв, нанесённых временем, слоёв, которые в течение веков хранили следы прошлого. Вот и сейчас им удалось найти исторический памятник, который после них уже никогда не будет прежним и никогда не покажет ту картину, которую им сейчас предстоит увидеть. Это как книга, которую можно прочитать только один раз, поэтому так важно как можно более тщательно всё задокументировать, сфотографировать и пронумеровать. Звук мотора отвлек его от этих мыслей. Подняв голову, он увидел своих рабочих, выходящих из мини-автобуса. Эли взглянул на часы – девять тридцать.

– Господин Элиэзер, – Захид направился к нему, – как нехорошо получилось, мы не могли проехать...

– Ничего, мы твой колодец ещё вчера раскопали. Пойдём, я тебя рядом с ним сфотографирую для истории.

Тем временем рабочие потянулись к вагончику, в котором была походная кухня, ведь араб не начнёт работу без того, чтобы сначала не выпить стаканчик кофе.

Когда они наконец вышли на площадку, их распределили каждого на своём участке. В десять часов утра от росы не осталось и следа, а солнце начало нагревать камни, которые они очистили от земли. Большинство студентов ушли под навес помогать девушкам мыть и сортировать черепки, только трое остались там, где расчищали пол недавно найденного дома. Директор раскопки прошёл через протёртый посередине камень, для него это был порог, два ряда камней он видел, как возвышающиеся вокруг стены. Вот здесь, по-видимому, был проход в другую комнату, а здесь, несомненно, находился очаг. Он только что собирался взять в руки фотоаппарат, для того чтобы в очередной раз запечатлеть то, что они раскопали.

– Эли! – позвал его один из студентов, который расчищал пол. – Эли, смотри, похоже, что здесь больше нет плит.

Плоские камни, пригнанные один к другому, были тщательно очищены, а земля аккуратно собрана в ведро.

– Вот это работа! – одобрил он и наклонился, осматривая одну из плит. Распрямившись, он взял лежащую неподалёку лопату, копнул пару раз и снова присмотрелся. «Это ступенька, – подумал он, – ступенька, ведущая вниз». Улица, стена и комната уже находились на полметра ниже того уровня, на котором ему полагалось вести раскопки, даже при очень заниженной нулевой отметке. Сняв солнцезащитные очки, Эли вытер со лба пот. Самым разумным было бы оставить всё как есть, задокументировать то, что раскопали, вывезти ящики с найденным материалом, написать отчёт. Он понимал, что в Израиле, если нет ограничения на глубину, можно копать до бесконечности и находить всё более древние слои. На некоторых площадках так и делали, но только не там, где идёт строительство. На такой раскопке, как эта, полагается забрать артефакты только с той глубины, на которой ляжет фундамент, всё остальное так и останется здесь, погребённое под слоями земли, цемента и асфальта. Эли молча покинул головой, словно соглашаясь со своими умозаключениями, а потом, оглянувшись вокруг, позвал: «Захид, Абдул-Азиз! Здесь копайте!»

Пять ступенек вели вниз, там был земляной пол. Эта комната, расположенная в полуподвальном помещении, по всей видимости, была кухней, но прошло ещё два дня, прежде чем теория Эли подтвердилась. Помещение откопали, и в ход пошли метёлки. Они высвободили от пыли и песка около дюжины керамических сосудов разной величины. Там же нашли очаг. Без усталости шёлкал фотоаппарат. Он запечатлел полуразрушенные стены и раскопанные ступеньки, слой сухой почвы и камней, из-под которых проступали очертания горлышек глиняных сосудов. Фотоаппарат увековечил улыбки Захида и Абдул-Азиза, весёлые, красные от солнца лица студентов. Работа продолжалась. Судя по тому, что почти все сосуды оказались целыми, Эли мог с уверенностью предположить, что не война и не землетрясение заставили людей покинуть это жилище. Разрушения, произошедшие здесь, были совершены временем и ничем другим. Только подумал он об этом, как услышал: «Эли! По-моему, это человеческие кости». Он подошёл. Из-под пыли и сухих комьев земли были видны очертания чего-то похожего на тазобедренную кость. По удивительному стечению обстоятельств обнаружившей эти останки была Джулия Ландер, студентка из Чикаго, учившаяся на антропологическом факультете. «На ловца и зверь бежит», – подумал Эли, наклоняясь и беря в руку метёлку. Им пришлось долго трудиться для того, чтобы освободить весь скелет. Рядом нашли проржавевшую железную пряжку и кусочек кожи – по-видимому, бывший ремень. Бережно они переложили эти останки на сколоченные вместе две доски. Переложили так, чтобы все косточки до самой маленькой были там, где им положено быть, переместили вместе с кусочками земли, на которых лежали едва заметные нити истлевшей одежды. Из опыта других археологов Эли знал, что человеческий

скелет должен быть увезён с площадки как можно скорее, пока об этой находке не узнало похоронное братство, которое будет настаивать на том, чтобы останки немедленно захоронили. «Надо сегодня же поехать в Иерусалим, в музей Рокфеллера, отвезти его на антропологическую экспертизу», – подумал он. Время, отпущенное на раскопку, подходило к концу, и молодой директор был очень рад тому, что удалось поднять. С площадки выносили последние артефакты: куски кожи, рукоятку от ножа, совершенно изъеденное ржавчиной лезвие и несколько целых кувшинов из того же квадрата.

– Напоминаю, – громко обратился он к студентам, – целые сосуды не вытряхивать и не мыть.

– Почему, господин Элиэзер? Почему черепки моют и сушат, а целые оставляют как есть? – спросили его.

– Потому что целые отправятся на химическую экспертизу. Для того чтобы мы могли узнать, для чего они были предназначены и какой продукт в них хранился.

Чужеземцы

Теперь Сенеав чувствовал себя отдохнувшим и мог продолжать путь. Бережно взяв в руки кувшинчик, он встал, повернулся и возобновил свой крутой подъём.

Когда-то в молодости такой путь не причинил бы ему большого труда, но теперь он чувствовал годы, лежащие тяжёлым грузом на его плечах. Сердце бешено колотилось, и кровь стучала в висках. Ему становилось всё труднее карабкаться вверх, придерживая полы меиля одной рукой и прижимая кувшинчик к груди другой. Тяжело дыша, вытирая рукавом пот со лба, он оглянулся вокруг и заметил углубление в скале. Приблизившись, он убедился в том, что это пещера. Вход был маленький и узкий, туда можно было вползти только на четвереньках. Так он и поступил, вполз, посидел немного, подождав, когда глаза привыкнут к темноте, и увидел, что пещера довольно просторная и здесь даже можно заночевать в случае надобности. Но пока он только решил оставить здесь свой кувшинчик, потому что ему предстояло пройти ещё немалое расстояние вверх, в гору, если он хотел увидеть то, что произойдёт с городом. Оставив свои сокровища внутри, Сенеав выполз на яркий солнечный свет, завалил камнями вход и полез вверх.

Солнце стояло уже высоко, когда он поднялся до вершины и увидел город, дорогу, холмы и поля, подвассальные сёла. Отсюда всё казалось таким мирным, и было трудно поверить в то, что город Айон встретил свой последний день.

И вот справа появились первые отряды противника. Это была всего лишь лёгкая пехота. Они поднимались из-за пологих холмов прямо к дороге на город. Сенеав, прищурясь, считал шеренги. В каждом отряде было не больше пятидесяти человек. Они подошли к городу и встали напротив больших ворот, как будто ожидая, что их гостеприимно откроют. Их было совсем немного. Человек триста, не больше. Сенеаву приходилось видеть много сражений на своём веку. С самых юных лет он состоял при царе Хамдае и, находясь в числе провидцев, так же как сегодня, наблюдал с вершины холма, как шли стройными рядами царские воины против отрядов бунтующих данников, он видел быстрые колесницы, несущие лучников, он видел тяжёлую пехоту, сверкающую на солнце железными щитами. Всё это были хорошо обученные солдаты, но даже тогда победа не была делом решённым, даже тогда провидцы сомневались, надеялись и трепетали. Он усмехнулся, глядя, как чужеземцы неумело перестроились, да и строем это было трудно назвать. Они, по-видимому, нарочно так рассредоточились, чтобы не было заметно, как же их мало. Неужели они надеялись взять город такими скудными силами? Ну что ж, самонадеянный враг – это половина победы. Сенеав поискал себе местечко в тени, чтобы отдохнуть, уселся под деревом и, прислонившись спиной к разогретому солнцем камню, развязал свой мех и напился воды. Он подумал о том, что ему придётся провести на этой горе ещё много времени. Для осады противнику необходимо подкрепление и продовольствие, которое, возможно, придёт, но блокада – не лучшая тактика в этих местах. Они пришельцы и, наверное, не знают этого. Город может продержаться долго, а другие укреплённые города на расстоянии дня пути. Соседние князья стянут сюда войска. Может быть, не сразу, но они придут к этому решению. Похоже, что у Анаса есть хороший шанс... Только он подумал об этом, как большие ворота города стали медленно подниматься. Солдаты рысцой выбегали и, шеренга за шеренгой, выстраивались по обеим сторонам от входа в город. Анас решил дать бой. А вот и он сам, пеший, в позолоченном шлеме, с лёгким щитом и обнажённым мечом в руке, он дал команду, и воины пошли в наступление. Одни отходили от ворот, а другие выбегали и выстраивались вдоль городской стены, маршировали вперёд, а позади выстраивалась новая шеренга. Неприятель стоял, выжидая.

Войско Анаса превышало их численность один к десяти. Первые ряды противника стояли без движения, а те, что позади, рассредоточились ещё больше. И вот авангард князя атаковал

с яростью. Засверкали на солнце мечи, ветер донёс крики воинов до той вершины, где стоял Сенеав, и враг побежал. Княжеские солдаты ринулись за ними, Анас отчаянно жестикулировал, его оруженосец бросился к воротам, сталкиваясь с теми, кто, выбегая из города, спешил вслед за войском. Он вскоре вернулся, ведя на поводу коня для князя. Анас вскочил в седло и ускакал, быстро скрывшись из вида в клубах пыли. А народ всё выбегал из города. Теперь это были те, кто не был призван в ополчение: старики, калеки и мальчишки с палками. Ворота были открыты настежь.

Смотря вдаль, туда, где скрылся в клубах пыли князь, Сенеав вспомнил, как он впервые встретился с ним в царском зале для аудиенций. Юный, четвёртый по счёту сын князя Радзима, он приехал с маленькой свитой к царю Хамдаю, принося дань и поклон от своего отца. Царь едва удостоил его словом, и гордый юноша отошёл от трона хмурый и красный от досады. Он казался Сенеаву тогда совсем мальчишкой.

– Придёт время, и ты пришлешь своего сына с данью к царю, – сказал он ему с улыбкой.

Анас взглянул на него гневно.

– Ты думаешь, что я наследник Радзима? – бросил он ему через плечо.

– Да, – ответил ему Сенеав. Тогда Анас повернулся к нему.

– Кто ты такой? – спросил он.

– Я один из провидцев при дворе.

Юноша усмехнулся с преувеличенным презрением – уязвлённое самолюбие требовало жертвы.

– Если у Хамдая все провидцы такие, как ты, то горе ему. Я не наследник. Я сын второй жены князя.

– Я знаю, – ответил ему Сенеав. – И я знаю, что ты будешь князем. Сам царь возложит корону на твою голову, и ты сядешь на трон своего отца.

Юный Анас разрывался между страхом показаться глупым и наивным и желанием остаться и слушать этого человека в чёрном, который говорил ему о его самых сокровенных мечтах. Но провидец больше не говорил, а стоял, с почтением склонив перед ним голову.

– Как твоё имя?

– Сенеав, мой господин.

– Так вот, Сенеав-провидец, – сказал ему Анас, – если то, что ты сказал, сбудется, я пришлю за тобой, и ты будешь моим единственным провидцем, а также моим главным советником и моей правой рукой.

Через несколько лет князь Радзим скоропостижно скончался. Его старший сын Радзимон стал князем, но то были смутные времена. Вассалы царя Хамдая поднялись против него, желая сбросить с себя тяжёлое бремя податей и налогов. Брат Радзимона Базан, он же и его военачальник, хотел присоединиться к восставшим, но Радзимон, только что уютно устроившийся на троне своего отца, и думать не хотел об этом. Тогда Базан поднял войска против Хамдая сам. Узнав об этом, Радзимон приказал убить Базана и сам привёз голову брата к царю.

Лицо Хамдая, изборождённое морщинами, мокрое от пота и красное от солнца, казалось отлитым из бронзы. Из бронзы были отлиты два изваяния с мордами гиен, сидящие по обеим сторонам от трона. Между гиенами лежала отрубленная голова Базана. Слушая изъявления преданности, которые суетливо рассыпал Радзимон, царь молча переводил взгляд с отрубленной головы на нового князя, с лица Радзимона – опять на мёртвое лицо Базана.

– Твой брат? – спросил он мрачно, перебив этот нескончаемый поток слов.

– Он был моим братом, государь, мой повелитель, – подтвердил Радзимон с поклоном.

– Брат, сын твоего отца и твоей матери?

– Да, мой повелитель, – ответил князь, недоумевая, какое теперь это может иметь значение.

Хамдай покачал головой.

– У меня тоже был брат, сын моего отца и моей матери. Он обнажил против меня меч. Я был сильнее его и выбил меч из его рук, приставив к горлу изменника его же собственный клинок. Я убил бы его, но наша мать схватила острое железо руками и закричала: «Не убивай его! Ведь он тоже мой сын!»

В тронном зале стало так тихо, казалось, что самое лёгкое дыхание будет слышно, и присутствующие боялись дышать. Лицо царя ничего не выражало, только в его голосе была слышна горечь и тоска.

– Я отпустил его тогда, и он ушёл. Но он ушёл, для того чтобы вернуться. Он вернулся сюда, в этот тронный зал, с бандой наёмников. Мои люди убили их всех, как бешеных собак, одного за другим. Наша мать сидела на троне рядом со мной. Когда мы скрестили мечи, она опять бросилась между нами... и он убил её.

Царь Хамдай замолчал, смотря прямо перед собой на мозаичный пол. Но не витиеватый узор он видел, а что-то ужасное. Борозды на его лице стали ещё глубже, и пот струился по вискам. Подняв руку от подлокотника, дрожащим пальцем он показал на пол перед собой.

– Вот тут она упала, вот её кровь.

Придворные со страхом переглянулись. Царя трясло в лихорадке. Теперь Хамдай показывал пальцем на Радзимона.

– Вот он! – закричал царь. – Вот он, поднявший меч на брата, пронзивший насмерть мать... Убейте его! Что же вы стоите?! Это же он!

В ту же минуту два царских телохранителя подошли к Радзимоноу, один пронзил его мечом, другой отсёк ему голову.

Полная луна светила на крыши царского дворца, серебрила кроны деревьев в саду, заглядывала в окна. Если бы у лунного света был запах, то он напоминал бы благоухание жасмина, который теперь наполнял дворцовые покои и вместе с долгожданной прохладой принёс отдых и тишину всем: придворным советникам и суровым стражникам, изнеженным царским наложницам и кухонной прислуге, всем, кроме самого царя. Не сладким жасмином пахло сейчас в его опочивальне, а потом и терпкими снадобьями. Оконные проёмы были плотно завешаны, а масляные светильники, полыхавшие вокруг кровати, только усиливали духоту.

– Что же вы, Ваша Сиятельная Светлость, наделали? – шептал старик-лекарь возле постели больного. – Убили наследника князя Радзима. Ведь он был правителем одной из ваших самых главных провинций. Кто же теперь править будет в Айоне? – А сам оборачивал голову царя листьями потрапа, натирал его запястья душистыми уксусом и выговаривал между делом царю, выговаривал.

– Разволновались вы, Ваша Сиятельная Светлость, зря. Разве Радзимон вашу матушку убил?.. Нет. И вы сами это прекрасно знаете. – Он растёр листья потрапа так, что из них закапал сок, и приложил их к ступням больного. – А когда вассалы бунтуют, не царю, а генералам ехать усмирять непокорных. Что у вас, генералов нет? Где это видано, чтобы царь гонял по полям верхом под жгучим солнцем и размахивал мечом?

Царь хотел что-то возразить, но лекарь как раз в это время поднёс ему настой в ложке и ловко вылил ему прямо в открытый рот.

– А теперь у вас лихорадка, Ваша Сиятельная Светлость.

Благодаря сильной натуре Хамдая и знаниям его умелого лекаря лихорадка вскоре прошла, и, как только царь окреп после болезни, он в сопровождении большой свиты отправился в Айон.

– Я убил их князя, – сказал он напыщенно. – Я должен дать им другого.

На самом деле он боялся междоусобицы в одной из своих самых главных провинций, особенно в такое время, когда не успевал он подавить восстание в одном городе, как тут же вспы-

хивало восстание в другом. Но как только они въехали во владения Радзимоны, царь понял, что страхи его были напрасны. Никакой междоусобицы тут не было. Здесь зеленили виноградники, на склонах холмов мирно паслись овцы, серебрились вдалеке оливковые рощи.

Трубными звуками встретил Айон царя, навстречу ему вышел молодой человек, окружённый свитой. Все они почтительно приветствовали гостей. Хамдай спешил и обратился к молодому человеку, с удивлением рассматривая его.

– Ты – новый князь Айона?

– Нет, Ваша Сиятельная Светлость, – ответил тот. – Я только исполняю обязанности правителя в отсутствие моего брата Радзимоны.

Царь не мог не заметить, как сановники Айона всматривались в толпу царедворцев, прибывших с ним, по-видимому, ожидая увидеть своего князя.

– С князем Радзимоном случилось несчастье, – мрачно сказал Хамдай и увидел удивление, страх и даже панику на лицах местных придворных. Только этот юноша стоял перед царём спокойно и невозмутимо. «Он знал, – подумал Хамдай. – Он знал и не сообщил никому из них. Умный парень».

– Лицо твоё мне знакомо, – сказал он вслух. – Где я мог тебя видеть?

– Я имел честь быть представленным вам, государь, – и тут же добавил: – Но это было много лет назад, я, наверное, очень изменился.

Царь кивнул с одобрением.

– Как твоё имя?

– Анас, сын Радзима. Моя мать была второй женой князя.

– Я очень устал с дороги и хочу быть твоим гостем, князь Анас, сын Радзима.

Услышав, как царь назвал его князем, сановники зашептались. Другой юноша шагнул навстречу царю.

– Я младший брат Радзимоны и Базана, – сказал он. – Если оба мои брата мертвы, то я должен наследовать им.

Царь Хамдай не удостоил его ответом.

Анас поклонился царю.

– Город и всё, что в нём, принадлежит вам, Ваша Сиятельная Светлость, а мы – ваши покорные рабы.

Хамдай вошёл во дворец, опираясь на плечо Анаса. На следующий день он короновал его, назвал сыном и обещал помощь и поддержку во всём. Громко, глядя на толпу сановников, он добавил: «Друг князя Анаса – мне друг. Враг князя Анаса – враг царя Хамдая».

Восстания были подавлены, и в царских владениях опять воцарился мир. Работоторговцы были вынуждены продавать свой товар за бесценок – так много было невольников на базарах города Тамарисков. Двойным налогом были обложены вассалы, и царский двор утопал в роскоши. Провидцы и колдуны Хамдая не могли поверить, когда Сенеав решил оставить столицу и перейти на службу к Анасу. Но молодой знахарь знал, что делал, и никогда впоследствии не пожалел о своём решении. Князь дал ему почётное положение первого министра и советника. С годами они сблизились. Анас доверял ему во всём. И вот теперь, стоя на вершине горы и смотря туда, где в клубах пыли исчез князь, Сенеав знал, что никогда больше его не увидит.

Долго стоял он так, погружённый в свои воспоминания, казалось, целую вечность. Бывало с ним в жизни, когда он боялся, что его предсказания окажутся ложными, но в эту минуту он бы много дал за то, чтобы вся его мудрость оказалась глупостью, чтобы всё, о чём поведали ему звёзды, было бы неправдой.

Ворота города были открыты настежь. У ворот толпились воинственно настроенные горожане, среди них важно прохаживались охранники городских стен. Вместо них на крепостную стену взобрались женщины и смотрели сверху на дорогу, с нетерпением ожидая возвращения своих мужей. Они-то и увидели первыми, как из долины поднялись воины в белом с чёрными

ремнями, обёрнутыми вокруг головы. Сначала их жертвами стали мальчишки, гонящиеся друг за другом с палками наперевес. Когда охранники наконец поняли, отчего визжат женщины на городской стене, и бросились закрывать ворота, было уже поздно. Враг вошёл в город без суеты и спешки, оставляя на дороге тела тех, кто попался им на пути. Визг женщин сменился предсмертными криками, над городской стеной поднялся дым. У Сенеава с болью сжалось сердце. Он с надеждой посмотрел вдаль, туда, где скрылись из вида защитники Айона, преследуя неприятеля, которого они превышали численностью один к десяти.

Вместо звона мечей и гула яростной битвы – крики паники и предсмертные вопли поднимались над стенами Айона, а Сенеав стоял на вершине холма бессильный и растерянный. «Они должны вернуться, – думал он. – Они увидят дым и возвратятся». Сначала несколько княжеских воинов появилось на дороге. Они бежали по направлению к городу так быстро, как могли. Потом Сенеав увидел вместо ровных шеренг толпу перепуганных людей. Среди них были раненые. Они падали, пытались подняться и падали вновь, сбитые с ног своими же товарищами по оружию, которые в панике топтали их и неслись дальше. Среди них метался конь без всадника. Один из солдат ухватился за поводья и попытался влезть в седло, но его тут же оттолкнул другой, который хотел сделать то же самое. Между ними завязалась драка. Воины Айона, беспорядочной толпой добежавшие до ворот, были встречены неприятелем, захватившим город. Крики гнева, отчаянья и смерти поднимались к небу, так же как дым и клубы пыли. Вражеский авангард, который так картинно бежал и заманил Анаса и его войско в ловушку, возвращался. Эти люди в белом шли не торопясь, уверенные в силе и доблести своих собратьев, добывая раненых и отставших, попадавших им на пути.

Устало Сенеав опустился на камень и долго сидел, закрыв лицо руками.

«Что теперь? – думал он. – Айон был взят легко, без осады и ожесточённых боёв. Это значит, что вскоре должен выехать вестовой с известием, что город взят. Затем приедет царь или наместник со свитой. Его встретят трубными звуками, подведут пленных, покажут захваченные сокровища... Бывает и иначе: сокровища грузят на повозки и вывозят, ведя следом вереницы пленных, а в закрытых повозках сидят пленённые дочери князей и самые красивые из жён и наложниц».

Сенеав ждал. Но ничего не происходило. Солнце уже клонилось к западу, когда неприятель стал выходить из города. Стройными рядами, без смеха и победных песен шли эти странные люди. Несколько повозок, в которых они везли своих раненых, были окружены усиленной охраной. Следом ехали повозки с грузом. Понятно, с каким. Золото. Как ни беден был город Айон, но в сокровищницах князя всё же кое-что хранилось. Кроме золота: лён, красная шерсть, серебряная утварь, не только княжеская, но и его царедворцев. В амбарах хранилось отборное зерно. Уж кто, как не Сенеав, знал, как всё это пряталось от Хамдая, жадность которого становилась всё более непомерной с каждым годом. Много добра можно было вывезти из города, а повозок хватало, и в одной только дворцовой конюшне можно было найти более двух дюжин прекрасных скакунов, не говоря уже о мулах и ослах. Но как ни присматривался Сенеав, не мог он разглядеть ничего, кроме одной или двух повозок, накрытых холстами. Последние шеренги угрюмо вышли за ворота, прошли вдоль городской стены и скрылись за поворотом. Через некоторое время их ещё можно было увидеть – удаляющихся вверх по дороге и исчезающих в предвечерней дымке.

В это время года обычно ветер менял направление перед закатом. Сухой зной сменился влажным дуновением и запахом моря. Здесь, на склоне холма, копошился целый мир насекомых и ящериц, чирикали птицы, провожая ещё один день, не обращая внимания на человека, который стоял, как изваяние, и поэтому не представлял для них никакой опасности. Они не замечали его. Им не было дела и до города внизу, в долине, над которым кружились стаи других птиц. С громким карканьем собиралось воронье над Айоном. Хотя чужеземцы и подошли город, но он занялся только с восточной стороны, где стояли мазанные глиной, лачуги

с соломенными крышами. В западной же части города царил белый камень: княжеский дворец, дома под черепичными крышами, мощёные дороги. Туда-то и слетелись теперь чёрные птицы. Сенеав смотрел на город и пытался убедить себя в том, что Сонабар теперь далеко. Её увезли... Но сердце сжимала тоска. Ему почему-то казалось, что она там, среди руин, слышит это зловещее карканье, её окутывает запах гари и крови. Ему вдруг пришла в голову мысль, что она могла испугаться и в последний момент спрятаться где-нибудь в доме. Может быть, даже в той комнате без окон, где пахло жжёным мускатным орехом. Тогда она теперь совсем одна, без поддержки и утешения, и как ей, должно быть, страшно. Он решительно направился вниз по склону, цепляясь руками за колючие ветки кустарника, прыгая с валунов, рискуя сломать себе шею. До заката оставалось не более часа. Если она там, надо успеть вывести её из города до темноты, но, может быть, её там нет, может быть, её забрали, тогда она наверняка оставила в доме записку для него или какой-нибудь знак. Надо узнать, как можно скорее, что стало с ней. Так думал Сенеав, его сердце бешено колотилось от беспокойства, и он продолжал свой спуск. «Только бы малые ворота были открыты», – думал он, иначе ему придётся обходить вокруг. Спустившись с холма, он взбежал на дорогу быстро и легко – Святые Духи даровали ему силы. Уже издали было видно, что малые ворота распахнуты настежь и вымощенная камнем мостовая усеяна трупами. Почти все эти люди были убиты ударами мечей в спину, значит, это они открыли ворота, пытаясь бежать. Многих из этих людей Сенеав знал, но один из убитых показался ему особенно знакомым. Он лежал ничком в луже крови. Коричневая одежда, красный пояс – так были одеты его домашние слуги. Ногой Сенеав перевернул его на спину и увидел лицо. Умайака, на которого он оставил дом, лежал тут, возле ворот. Под его телом был свёрток, залитый кровью, это была льняная скатерть, в которую были связаны предметы сервировки: бронзовые стаканчики с искусно выплавленным серебряным узором, тонкие ножи для фруктов, зальгеры – серебряные витые палочки с заострённым концом. Ими обычно пользовались женщины во время еды, они накалывали на них кусочки мяса, чтобы не запачкать жиром свои нежные надушенные пальцы. Чистить предметы сервировки до блеска входило в ежедневные обязанности этого раба. «Надо же, какая верность и преданность, – прошептал Сенеав с усмешкой, стоя над телом. – Даже перед смертью ты не захотел расстаться со своей работой». Странно было то, что тот, кто убил его, не захотел взять эти ценности, у него, видно, были дела поважнее, как, впрочем, и у Сенеава. Широкими шагами он направлялся к своему дому, равнодушно взирая на мёртвые тела, лежащие вокруг, на взломанные двери. Женщины, одетые в своё лучшее, лежали на порогах домов. Как водится, когда город был взят, они надеялись привлечь завоевателей своей красотой, чтобы спасти себе жизнь. Каждая теперь лежала, пронзённая мечом. Отовсюду, где он проходил, с громким карканьем взлетали вороны и тут же чёрными стаями опускались вновь. Западный ветер отгонял дым и запах гари. Сенеав понимал, что если ветер утихнет или поменяет направление, то весь этот район займётся пламенем. Это понимали и вороны, пытаясь съесть побольше от своей добычи перед тем, как она сгорит. Завернув на свою улицу, Сенеав замедлил шаг. Уже издали он увидел перед своим домом четырёх убитых охранников, которых оставил князь, под страхом смерти запретив им покидать этот пост. Судя по многочисленным ранам на их телах, они отважно сражались и пали в неравном бою. Белые каменные ступени были испачканы кровью, но дверь была цела и аккуратно закрыта. Войдя к себе в дом, Сенеав огляделся вокруг, и у него стало легче на душе. Здесь не было никаких следов грабежа, всё было таким же мирным, знакомым и домашним, как этим утром, когда он вышел отсюда. Светильники, начищенная до блеска курильница, полированные ступени и перила резного дерева, манящие наверх.

– Сонабар! – позвал он, но ему никто не ответил.

Вдруг Сенеав увидел следы засохшей крови на полу. Это был один и тот же отпечаток ноги, вернее, края сапога, случайно наступившего на кровь одного из убитых на улице. Эти следы вели к лестнице. Один из мужчин, убивших охранников у входа в дом, прошёл сюда.

Волосы зашевелились на голове Сенеава, хотя он и был почти убеждён, что эти люди не причинили зла его дочери, но эти одинокие следы напугали его сильнее, чем если бы он увидел признаки сопротивления и грабежа в доме. На дрожащих ногах он поднялся наверх. Здесь, так же, как и внизу, всё стояло на местах. Только двери во все комнаты были распахнуты, все, кроме одной. Дверь, ведущая в покои Сонабар, была плотно закрыта. Он представил себе, как она, уходя из дома с этим человеком, закрыла за собой дверь, несомненно, оставив в комнате записку или какой-то знак для него. Быть может, старуха-нянька осталась здесь... Нет, он покачал головой, она бы не оставила её одну в доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.